

Цюхоу - Время после жатвы [Сведение счетов]

Ли Вэй Ян посмотрела на отца очень серьезно. Она была сейчас очень красива. В этот момент ее губы были слегка приподняты, выражение ее лица не выглядело резким, но это было в глазах других.

Она холодно, почти равнодушно произнесла:

- Я конечно знаю! Но отец, знаете ли вы, что за женщину вы защищаете?

Ли Сяо Ран резко ответил ей:

- Ли Вэй Ян, если ты не остановишься, мне придется использовать семейное право Ли, чтобы наказать тебя. Если ты собираешься обвинять меня, я буду безжалостен!

Ли Вэй Ян встала и медленно пошла в сторону, где сидел отец и смотрела ему прямо в глаза, что было не слишком учтиво.

- Отец, почему вы злитесь? Вэй Ян просто напоминает вам о необходимости видеть женщину возле вас, а не совершать те же ошибки, что и раньше.

- Что?

Ли Сяо Ран не верил своим ушам.

Ли Вэй Ян спокойно продолжала:

- Вы помните, как вы потворствовали Да Фурен когда она преследовала меня? Позже вы сказали, что будете стоять на моей стороне в будущем, но уже через год вы мне отказали в этом. Вам красота важнее ваших детей?

Лицо Ли Сяо Рана вспыхнуло от гнева, но он быстро подавил его. Он сделал вид, что не рассердился, а, напротив, сказал со смехом:

- Хорошо, дочь, которая осмелилась обвинять своего отца! Ты все еще не понимаешь дочернего благочестия!

Последние слова упали как тысяча фунтовые гири. Это было очень серьезное обвинение. Ли Чжан Сяо уже дрожала, стоя в стороне и не могла произнести ни слова. Она боялась, что дальше будет только хуже. Она поспешно стала убеждать Ли Вэй Ян:

- Сан Цзе, быстрее извинись перед отцом, не надо с ним так говорить!

Она была типичной незамужней девушкой из высокопоставленной и богатой семьи. С мягким и великодушным характером. Она явно была сейчас напугана. И Эр Фурен, которая всегда боялась непредсказуемости, тоже увидела, что Ли Сяо Рана действительно был разгневан. Никто в комнате не мог проронить ни слова и в испуге просто переглядывались.

Единственное о чем волновалась Ли Вэй Ян – это состояние Лао Фурен. По правде говоря, она любила Ли Вэй Ян. Лао Фурен в основном была очень высокомерна, и уважала себя больше чем остальных. Другие ей были безразличны, и она не сближалась со своими внуками. Хотя Эр

Фурен могла говорить правильные и добрые слова, она была недалёковидной женщиной и Лао Фурен смотрела на нее свысока. К наложницам она тоже была равнодушна. Си Инян и Лю Инян и им подобные жертвовали собой и были тихими и слабыми и от случая к случаю только показывались и мало общались. Внуки приходили просить о безопасности каждый день, но перед ней они просто стояли выстроившись в ряд и отвечали одним предложением на поставленные вопросы. Это был не более чем обычный семейный язык и они не были ей близки. Но Ли Вэй Ян была исключением.

Вначале Лао Фурен, возможно, немного использовала ее, чтобы присмотреться к ней, и Ли Вэй Ян не подвела ее. Но, после у Лао Фурен были времена падений и Ли Вэй Ян все еще была рядом с ней. В семье Ли, до полудня или во второй половине дня было необходимо справляться о здоровье, нельзя было просто бесцеремонно ходить.

Только Ли Вэй Ян отличалась от всех, она думала в котором часу уйти или взяться за дело, по поводу чего идти, как приветствовать. В действительности Лао Фурен требовалось общение, чтобы развеять тоску и развлечься. Поэтому позже Лао Фурен была просто неотделима от нее. Если Вэй Ян не заходила к ней Лао Фурен чувствовала себя некомфортно и отправляла кого-нибудь позвать ее, но не только потому, что ей было скучно, но, что более важно, Ли Вэй Ян постепенно заняла очень важное место в ее сердце.

Видя, что Ли Сяо Ран агрессивен, Лао Фурен мягко кашлянула и сказала:

- Вэй Ян – просто ребенок. Если тебе есть что сказать, зачем выходить из себя?!

Ли Сяо Ран удивленно посмотрел на свою мать. Лао Фурен действительно ясно показала свое отношение к Ли Вэй Ян в этой ситуации. Это было первый раз. Она поддерживала справедливость этой семьи, не открывая рта. Теперь ...

Жун Мама побледнев, произнесла:

- Лао Фурен, Нуби знает, что вы сильно любите внуку, но Фурен потеряла вашего внука, неужели вы спокойно будет смотреть на невинно убиенное дитя?

Лао Фурен пристально и холодно посмотрела на нее:

- Когда это в семье Ли не было правил относительно слов хозяев! Разве настал черед старой служанке учить меня здесь?

Она сказала строго, но глаза ее остались чрезвычайно равнодушными, что потрясло Жун Маму. Она быстро упала на колени:

- Нуби слишком тороплива и болтлива. Прошу Лао Фурен простить меня! Лао Фурен прошу извинить!

Лао Фурен усмехнулась и сказала:

- В этом доме действительно беспорядок, и я не знаю, куда девались правила прошлого. Даже кости рабов стали невесомыми!

Эти слова ясно давали понять, что Цзян Юэ Лань не учит дисциплине своих слуг.

Глаза Цзян Юэ Лань покраснели, и она снова заплакала. Жун Мама не щадя себя тотчас же стала бить себя по лицу и сказала:

- Нуби плохая служанка! Лао Фурен, прошу вас не вините Фурен!

- Хорошо, у меня уже болит голова!

Сказала Лао Фурен и Ли Сяо Ран сразу же сказал:

- Жун Мама, ты все еще не замолчала?!

Жун Маме пришлось плакать сидя на коленях посреди комнаты. Ее лицо покраснело, но она больше не смела ничего говорить.

Ли Сяо Ран спросил Ли Вэй Ян:

- Ты указала на два не соответствия, но ведь возможно, что ты сознательно использовала не свое серебро, чтобы обмануть доктора Хэ, но при этом, чтобы он выполнил то, что обещал. И ты могла использовать этот старый способ избиения людей, чтобы самой опровергнуть его слова. Поэтому этих двух сомнений недостаточно, чтобы доказать, что ты права. Есть ли еще доказательства?

Ли Вэй Ян улыбнулась:

- Доказательства? Какие есть еще доказательства? Отец слеп к таким очевидным доказательствам. Какие доказательства должна предоставить дочь? Это не поможет, не так ли?

Она говорила таким тоном, как будто она исповедовала свою жизнь. В каждом слове как будто пыталась примириться с судьбой. Но, на самом деле мерцающий свет в глазах говорил, о чем-то еще не понятном и неизведанном.

Цзян Юэ Лань думала, что Ли Вэй Ян еще будет приводить бесчисленное количество доводов и она подготовилась отвечать ударом на удар. Она ждала, что будет борьба. Но, неожиданно ее противник так легко признал свое поражение. Она просто не осмеливалась в это поверить...